

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.4)
EDN [FHGOKM](https://edn.fhgokm.ru)
УДК 316.354:351/354

А. В. Березнев¹

¹ Воронежский институт МВД России. Воронеж, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СКУЛШУТИНГА

Аннотация. Статья посвящена анализу и систематизации зарубежного опыта с целью выявления организационно-управленческих практик предотвращения скулшутинга, применимых для адаптации в российских условиях. Методология исследования базируется на сравнительном анализе научной литературы, официальных отчётов (ФБР, Секретной службы США) и нормативных документов, регламентирующих предотвращение вооружённых нападений в образовательных учреждениях США и стран Европы. Установлено, что в основе современных систем предотвращения лежит отказ от неэффективной политики «нулевой терпимости» в пользу проактивной модели поведенческой оценки угроз, ключевыми элементами которой выступают мультидисциплинарные команды, дифференциация угроз по степени риска, индивидуальный подход и фокус на выявлении «утечек информации». Выявлены сходства и различия в реализации данных принципов, обусловленные культурными и правовыми особенностями. Американская модель отличается большей формализацией и развитой инфраструктурой анонимных сообщений, тогда как европейская делает акцент на социальной поддержке и межведомственном взаимодействии. Сделан вывод, что наиболее эффективные зарубежные практики, включая отказ от профилирования, развитие межведомственного взаимодействия и вовлечение школьного сообщества, могут быть адаптированы для создания комплексной системы предотвращения скулшутинга в Российской Федерации.

Ключевые слова: скулшутинг, предотвращение насилия в школах, поведенческая оценка угроз, зарубежный опыт, школьная безопасность, управление рисками, США, Европа, организационно-управленческие практики

Для цитирования: Березнев А. В. Зарубежные организационно-управленческие практики предотвращения скулшутинга // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 2. С. 55–66. DOI [10.19181/nko.2026.32.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.4). EDN [FHGOKM](https://edn.fhgokm.ru).

Введение. В Соединённых Штатах Америки проблема скулшутинга приобрела особенно серьёзный характер после трагедии, произошедшей в школе «Колумбайн» в 1999 году. Этот инцидент наглядно продемонстрировал недостаточность исключительно реактивных мер и обусловил необходимость выработки системы предупреждения подобных преступлений [1]. На первоначальном этапе значительная часть образовательных организаций ориентировалась на политику «нулевой терпимости», предусматривавшую применение строгих дисциплинарных санкций в ответ на любые проявления агрессии или угроз. Вместе с тем последующие исследования показали, что подобная модель не обеспечивает должного уровня безопасности [1]. Во многих случаях применяемые меры носили чрезмерный и несоразмерный характер, однако не приводили к снижению вероятности насильственных инцидентов. Так, в 2008 году Американская психологическая ассоциация пришла к выводу об отсутствии убедительных данных, подтверждающих эффективность политики «нулевой терпимости», а также указала на её отрицательное влияние

на атмосферу внутри образовательной среды. В начале 2000-х годов в США получила развитие концепция поведенческой оценки угроз, основанная не на автоматическом наказании, а на всестороннем анализе ситуации [2]. При её применении учитываются конкретные обстоятельства, психологические особенности злоумышленника, характер его поведения и социальное окружение. Центральной идеей данного подхода является разграничение между самим фактом высказывания угрозы и наличием действительного намерения её реализовать. Иначе говоря, далеко не каждое агрессивное или угрожающее высказывание свидетельствует о готовности лица к совершению насильственных действий [3].

Для Российской Федерации проблема скулшутинга стала актуальной после резонансных инцидентов в школах (Керчь, 2018; Казань, 2021; Пермь, 2021; Ижевск, 2022). Именно после таких инцидентов со всей остротой встал вопрос о необходимости выстраивания системной, научно обоснованной организационно-управленческой модели предотвращения подобных событий. В то время как в зарубежных странах, прежде всего в США и государствах Европы, накоплен значительный опыт внедрения поведенческой оценки угроз и мультидисциплинарных команд, российская практика до сих пор ориентируется преимущественно на силовые и административно-карательные меры, не имеющие доказанной эффективности. Научная проблема, решаемая в данной статье, заключается в выявлении и систематизации зарубежных организационно-управленческих практик предотвращения скулшутинга, которые могли бы быть адаптированы к российским институциональным, правовым и социокультурным условиям. В отечественной социологии управления системный анализ зарубежных моделей с акцентом на их адаптационный потенциал представлен недостаточно, что призвана восполнить данная работа.

Цель настоящей статьи — на основе сравнительного анализа американского и европейского опыта выявить ключевые организационно-управленческие практики предотвращения скулшутинга, которые могут быть адаптированы к российским условиям.

Методология и дизайн исследования. Методология исследования основана на качественном сравнительном анализе. Выбор США и европейских стран (Германия, Финляндия, страны Скандинавии) обусловлен: во-первых, наибольшей проработанностью систем поведенческой оценки угроз в этих странах; во-вторых, наличием доступных официальных документов (отчёты ФБР, Секретной службы США, национальные руководства); в-третьих, различиями в правовых и культурных условиях, что позволяет выявить как универсальные, так и контекстуально-специфичные механизмы. Критериями отбора источников выступали: а) принадлежность к официальным ведомствам или рецензируемым научным изданиям; б) прямой фокус на организационно-управленческих аспектах предотвращения скулшутинга; в) хронологические рамки (2000–2025 гг.). Параметры сравнения в таблице 1 (исторический контекст, принципы оценки, структура команд, алгоритмы реагирования, система анонимных сообщений) выделены на основе ключевых компонентов модели ВТАМ (Behavioral Threat Assessment and Management). Сравнение проводилось методом тематического сопоставления: по каждому параметру фиксировались сходства и различия с последующей интерпретацией с точки зрения возможной адаптации к российской системе.

Эволюция и базовые принципы модели поведенческой оценки угроз в США. Американские исследователи подчёркивают, что потенциальные правонарушители, как правило, не переходят к нападению внезапно. Обычно совершению преступления предшествует определённый период, в течение которого наблюдается постепенное усиление негативных проявлений, сопровождаемое рядом предупреждающих признаков [4]. В связи с этим основная задача системы предотвращения заключается в максимально раннем выявлении таких сигналов и принятии мер ещё до того момента, когда угроза будет реализована [5]. При рассмотрении американского опыта предупреждения скулшутинга существенное значение имеют общественные инициативы, ориентированные на снижение факторов риска. Одним из наиболее известных примеров является движение «No Notoriety» («без известности»), созданное родственниками погибших, представителями средств массовой информации и общественными активистами. Основная цель данной инициативы состоит в отказе от излишнего внимания к личности преступника и недопущении его популяризации в информационном пространстве. Вместо этого предлагается сосредоточить общественное внимание на жертвах трагедии, а также на проявлениях мужества и героизма со стороны лиц, оказавших сопротивление злоумышленнику [6].

Институционализация оценки угроз: команды ВТАМ и межведомственное взаимодействие. Важнейшим компонентом американской системы предотвращения выступает деятельность мультидисциплинарных команд по оценке и управлению угрозами (Threat Assessment Team). Подобные группы создаются как в отдельных образовательных организациях, так и на уровне школьных округов. В их состав, как правило, входят представители администрации школы, психологи, социальные работники, сотрудники правоохранительных органов, а при необходимости — специалисты в области психического здоровья и иные эксперты [7].

Для рассматриваемой модели характерно чёткое нормативное регулирование межведомственного взаимодействия. Так, после ряда инцидентов с большим количеством жертв¹, произошедших в 2013 году, в штате Вирджиния было введено обязательное создание команд по оценке угроз во всех образовательных учреждениях. Их деятельность осуществляется под методическим руководством Университета Вирджинии [8] и предполагает постоянное взаимодействие с правоохранительными органами. Сходные положения закреплены и в законодательстве штата Мэриленд, в соответствии с которым формирование таких команд является обязательным для каждого школьного округа. Для практической реализации данной системы был разработан единый типовый регламент, подготовленный межведомственной рабочей группой. В её состав вошли специалисты Секретной службы США, Федерального бюро расследований, а также Центра безопасности школ штата Вирджиния [8].

Приведённые примеры позволяют сделать вывод о том, что практика оценки угроз постепенно приобретает институциональный характер. Её применение уже не зависит исключительно от инициативы отдельных школ либо конкретных должностных лиц, а становится обязательной составной частью системы

¹ Имеется в виду инцидент и последовавшие за ним подражательные инциденты в начальной школе в Сэнди-Хук (город Ньютаун, штат Коннектикут, США), 14.12.2012, погибших 28, раненых 2.

управления в сфере образования. В настоящее время в рамках концепции поведенческой оценки угроз выделяется несколько базовых принципов.

Во-первых, одним из ключевых положений является отказ от профилирования. В современной научной литературе подчёркивается, что **не существует единого психосоциального портрета лица, способного совершить скулшутинг**. По этой причине попытки сформировать универсальный «тип» потенциального преступника признаются не только бесполезными, но и способными повлечь негативные последствия. Взамен внимание сосредоточивается на анализе конкретных поведенческих признаков [4]. Согласно рекомендациям Секретной службы США, оценка должна основываться исключительно на фактических данных о поведении лица, а не на стереотипных представлениях, субъективных впечатлениях или отдельных личностных характеристиках.

Во-вторых, важное значение имеет принцип континуума угроз. В соответствии с ним **все угрозы различаются по степени серьёзности**, следовательно, **требуют различных мер реагирования** [2]. В американской практике принято выделять временные и существенные угрозы [8]. Временные угрозы, как правило, обусловлены эмоциональным состоянием злоумышленника и не связаны с наличием реального намерения причинить вред. Существенные же угрозы сопровождаются конкретными планами, подготовительными действиями и, соответственно, требуют немедленного вмешательства. В тех случаях, когда оценка вызывает сомнения, рекомендуется исходить из более высокого уровня опасности. Аналогичный подход используется и Федеральным бюро расследований, которое предусматривает разграничение угроз по степени риска и соответствующее распределение мер реагирования [9].

В-третьих, применяется принцип контекстуальности, предполагающий **индивидуальный подход к каждой ситуации**. При оценке учитываются особенности личности злоумышленника, его отношения с окружающими, семейная и школьная среда, а также текущее эмоциональное состояние. Подобное понимание соответствует положениям социологической теории действия, согласно которой человеческое поведение формируется под воздействием не только внутренних качеств личности, но и внешних социальных условий.

В-четвёртых, **процесс оценки угроз носит последовательный и поэтапный характер**. Обычно он включает несколько взаимосвязанных стадий: выявление признаков возможной угрозы, предварительную оценку её серьёзности, более глубокий анализ с привлечением различных источников информации, выработку решения относительно способов управления угрозой, а также последующее наблюдение за развитием ситуации.

Существенное значение в рамках рассматриваемой системы имеет **установление уровня риска и определение мер, адекватных степени опасности**. В большинстве используемых моделей применяется трёхступенчатая классификация, предусматривающая выделение низкого, среднего и высокого уровня риска. Для каждой из указанных категорий предусмотрен самостоятельный алгоритм реагирования. Благодаря этому вмешательство осуществляется в соответствии с принципом соразмерности, что позволяет, с одной стороны, избежать чрезмерно жёстких мер, а с другой — не допустить недостаточной реакции на потенциальную угрозу. С целью повышения результативности работы по предотвращению инцидентов были разработаны специальные перечни индикаторов предупреждающего поведения. Их формирование основывалось на изучении и сопоставлении реальных случаев скулшутинга. Результаты иссле-

дований показали, что лица, впоследствии совершившие нападение, нередко заранее демонстрировали признаки приближающейся опасности. К числу таких признаков относятся так называемые «утечки информации», то есть сообщения о намерениях, передаваемые в личном общении, через социальные сети либо иные цифровые каналы, повышенный интерес к оружию и различным формам насилия, а также выраженные проявления психологического неблагополучия [3].

Национальная ассоциация школьных психологов (NASP) особое внимание уделяет концепции «пути к насилию», под которой понимается постепенный переход от возникновения замысла к его практической реализации [2]. Данная концепция исходит из того, что насильственное поведение не возникает внезапно, а развивается поэтапно. В качестве факторов риска рассматриваются социальная изоляция злоумышленника, систематическая травля со стороны сверстников, наличие психических нарушений, свободный доступ к оружию и иные неблагоприятные обстоятельства. При этом подчёркивается, что ни один из перечисленных факторов не способен сам по себе предопределить совершение преступления. Опасность возникает прежде всего при их сочетании и взаимном усилении. В ходе своей деятельности команды по оценке угроз стремятся собрать максимально полный объём информации о злоумышленнике и обстоятельствах его поведения. С этой целью проводятся беседы с самим учащимся, его родственниками, сверстниками и педагогами, изучаются материалы школьной документации, а также анализируется активность в социальных сетях и иных интернет-ресурсах. При наличии оснований к работе могут привлекаться сотрудники правоохранительных органов, которые проводят дополнительные проверочные мероприятия. Одновременно существенное внимание уделяется соблюдению требований конфиденциальности и профессиональной этики.

В Соединённых Штатах Америки действует федеральный закон FERPA, регулирующий порядок защиты сведений, содержащихся в образовательной документации. Вместе с тем данный нормативный акт допускает передачу такой информации в случаях, когда имеется угроза жизни и безопасности окружающих.

В целом использование комплексной модели, включающей раннюю профилактику, унифицированные процедуры оценки угроз и систему оперативного реагирования, позволило не только сократить количество фактически совершённых нападений [4], но и увеличить число предотвращённых случаев скулшутинга [3]. Одним из важнейших элементов системы предотвращения инцидентов выступают чат-боты для анонимного сообщения о потенциальных угрозах. В Соединённых Штатах Америки широкое распространение получили специальные горячие линии, мобильные приложения и цифровые платформы, через которые учащиеся, родители и иные лица могут сообщать о подозрительном поведении. Наиболее известным примером является система Safe2Tell, функционирующая в штате Колорадо. Ежегодно через неё поступают десятки тысяч сообщений, часть которых позволила своевременно выявить реальную опасность и предотвратить возможные преступления. Развитие подобных механизмов поддерживается и на федеральном уровне. На государственном портале SchoolSafety.gov размещаются методические рекомендации, примеры успешных практик и иные материалы, посвящённые организации анонимного сообщения.

Федеральное правительство США рассматривает распространение подобных механизмов в качестве одного из приоритетных направлений в сфере школьной безопасности. Так, на общенациональном портале SchoolSafety.gov, созданном в 2020 году, содержатся рекомендации по организации системы анонимного репортинга, а также сведения о наиболее успешных практиках, применяемых в различных штатах. В связи с этим в американской модели предотвращения скулшутинга данный подход рассматривается, во-первых, как одно из ключевых направлений общей системы предупреждения насильственных инцидентов, а во-вторых, как задача, выходящая далеко за пределы исключительно образовательной среды [10]. В реализацию мероприятий вовлекается всё общество, что находит отражение в принципе: «если видишь что-либо подозрительное — сообщи об этом» [2]. Возможность сохранить анонимность позволяет преодолеть страх перед обращением к взрослым и способствует вовлечению учащихся в деятельность по обеспечению безопасности [11].

В рамках современной системы образования активно применяется модель ВТАМ (Behavioral Threat Assessment and Management), ориентированная на создание безопасной и благоприятной образовательной среды. В данной модели школа рассматривается не только как учреждение, осуществляющее обучение, но и как субъект системы предотвращения, обязанный обеспечивать своевременное выявление отклоняющегося поведения. При этом подчёркивается, что эффективная оценка угроз возможна лишь в условиях, когда в образовательной организации сформирована атмосфера доверия, уважения и психологической защищённости [4]. Учащиеся должны быть убеждены в том, что они могут открыто рассказать взрослым о своих переживаниях, тревоге или опасениях, не опасаясь негативных последствий [12; 13; 14]. В свою очередь, обучающийся, поведение которого вызывает настороженность, должен понимать, что к нему будут относиться не только как к потенциальному нарушителю, но прежде всего как к лицу, нуждающемуся в поддержке и помощи [15; 16; 17].

В связи с этим система управления деятельностью по предотвращению инцидентов основывается на нескольких базовых принципах.

- непрерывное обучение всех участников, включающее проведение специальных тренингов для администрации, педагогов и иных работников образовательных организаций по вопросам выявления признаков угрозы и её оценки, а также разъяснительную работу с учащимися относительно необходимости своевременного сообщения о настораживающем поведении [18; 19];
- рефлексивный характер системы, выражающийся в постоянном пересмотре и обновлении действующих алгоритмов, регламентов и мероприятий с учётом накопленного практического опыта, изменений социальной ситуации и результатов современных научных исследований [11];
- межинституциональное взаимодействие, предполагающее согласованную деятельность образовательных организаций, правоохранительных органов, служб психического здоровья, социальных учреждений и иных структур, участвующих в предупреждении насильственного поведения [9].

Следует подчеркнуть, что сама концепция команд по оценке угроз изначально сформировалась не в сфере образования. Первоначально подобный подход применялся в практике обеспечения безопасности высокопоставлен-

ных государственных деятелей и использовался специальными службами и правоохранительными структурами. Иными словами, данная модель имеет происхождение из области национальной безопасности, а впоследствии была адаптирована и внедрена в систему образовательных учреждений в качестве элемента антитеррористической и политики противодействия. В связи с этим многие методы противодействия скулшутингу развивались по аналогии с механизмами борьбы с терроризмом: они включают выявление признаков потенциальной угрозы, налаживание межведомственного взаимодействия, а также осуществление превентивного вмешательства на ранних этапах формирования опасного поведения [20; 21].

Европейский опыт предотвращения скулшутинга. В европейских государствах случаи скулшутинга фиксируются значительно реже, чем в Соединённых Штатах Америки. Тем не менее отдельные трагические инциденты также послужили стимулом для формирования системы предотвращения, во многом сходной с американской моделью. Одновременно следует учитывать, что европейский подход складывается в условиях развитого социального государства. По этой причине основное внимание уделяется не только вопросам безопасности, но и мерам социальной поддержки, оказанию психологической помощи, а также воспитательной и профилактической работе с учащимися. В результате идеи межведомственной оценки угроз получили распространение и в европейской практике. Так, в Германии и странах Скандинавии реализуется ряд исследовательских и прикладных проектов, направленных на адаптацию технологий предупреждения угроз к специфике школьной среды [2].

Для государств Европы характерно также стремление учитывать собственные правовые и культурные особенности. В частности, более строгое регулирование оборота оружия объективно снижает вероятность совершения вооружённых нападений в образовательных учреждениях. Одновременно жёсткие требования законодательства в сфере защиты персональных данных и обеспечения конфиденциальности могут создавать определённые сложности при обмене информацией между образовательными организациями и правоохранительными органами. Кроме того, сравнительно небольшое количество подобных инцидентов ограничивает возможности для проведения масштабных исследований и накопления обширной статистической базы. В связи с этим европейские страны нередко обращаются к зарубежному опыту, прежде всего к американским разработкам, адаптируя их к собственным социальным условиям и существующим моделям предотвращения скулшутинга.

Организационно-управленческие практики предотвращения скулшутинга: опыт США и Европы. Детализация ключевых характеристик рассмотренных моделей, применяемых в США и европейских государствах, представлена в таблице 1².

² Проведённый анализ основывается на ряде источников. Подробнее см. [1–4; 7–9; 22], а также материалы: Alathari L. [et al.]. Enhancing school safety using a threat assessment model: An operational guide for preventing targeted school violence. National Threat Assessment Center; 2018. URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/18_0711_USSS_NTAC-Enhancing-School-Safety-Guide.pdf (accessed: 15.03.2026); SchoolSafety.gov. An official website of the United States government. URL: <https://www.schoolsafety.gov> (accessed: 15.03.2026).

**Сравнительный анализ организационно-управленческих практик предотвращения
скулуштинга в США и Европе**

Параметр	США	Европа (Германия, Финляндия, страны Скандинавии)	Сходства/Различия
1. Исторический контекст и причины внедрения	Высокая частота массовых нападений (с 1999 г.). Реакция ФБР: отказ от «профиля стрелка», внедрение проактивной оценки поведенческих индикаторов (Safe School Initiative).	Инциденты редки, но резонансны (Эрфурт-2002, Йокела и Каухайоки-2007/08). Реакция: точечные меры (законы об оружии, психосоциальная поддержка), оглядка на опыт США.	Общее: Толчок от трагедий. Различия: В США — системный и централизованный ответ (высокая частота нападений). В Европе — реакция «постфактум» и индивидуально, но с опорой на американский опыт.
2. Принципы оценки угроз (проактивность, индивидуальный подход, дифференциация рисков и др.)	Поведенческий метод: анализ предупреждающих сигналов («утечка замыслов»), отказ от профилирования. Риск оценивается контекстуально, угрозы ранжируются по степени серьёзности, избегая карательных крайностей.	Проактивная модель признана. Фокус на внутреннем кризисе стрелка, анализ индивидуальной траектории. Дифференциация угроз: спонтанное хвастовство отличается от заранее обдуманного намерения. Часто реализуется в рамках программ «поддержки/заботы», а не жёстких «оценок угроз».	Общее: Проактивность, отказ от единого профиля в пользу поведенческих маркеров, контекстный анализ. Различия: США формализовали градации риска раньше. Европа делает акцент на педагогической и психологической помощи (культурно «мягче»).
3. Структура команд по оценке угроз	В школах — штатные междисциплинарные группы (ВТАМ): администратор, психолог, учитель, закреплённый полицейский. Ядро — школа, привлечение внешних специалистов по необходимости.	Междисциплинарность есть, но полицейский не закреплён постоянно. Школьные психолого-педагогические команды при серьёзных угрозах организуют межведомственный консилиум с внешними структурами (полиция, психиатрия, соцслужбы).	Общее: Командная работа, объединение педагогов, психологов и полиции. Различия: США — внутренняя команда на месте. Европа — обращение к внешним экспертам.
4. Алгоритмы реагирования и уровень риска	Детализированные шкалы риска. Низкий уровень — это профилактика, беседа, урегулирование внутри школы (отказ от «нулевой терпимости»). Высокий — это усиление охраны, отстранение, немедленное информирование полиции. Принцип минимально достаточного вмешательства.	Изначально преобладала практика избыточного реагирования. Но опыт (в частности, Финляндия) показал, что тотальное информирование полиции ведёт к ложным тревогам. Эволюция к дифференциации: школа и психолог оценивают достоверность; низкий риск — воспитательные меры; высокий — полиция и психиатрическая экспертиза.	Общее: Отказ от нулевой терпимости, гибкое наращивание вмешательства (от беседы до уголовной ответственности). Различия: США имеют формализованные дробные алгоритмы. Европа — изначальная перестраховка, но сейчас модели сближаются.

Окончание таблицы 1

Параметр	США	Европа (Германия, Финляндия, страны Скандинавии)	Сходства/Различия
5. Система анонимных сообщений и вовлеченность сообщества	Разветвлённая инфраструктура: горячие линии, SMS, приложения (анонимно). Активные кампании против установки «не доносить». Формализованные каналы работают круглосуточно.	Слабо развиты специальные каналы. Упор на прямое обращение к учителям, психологам, полиции. Отдельные детские телефоны доверия (не только для угроз нападения). Культурные барьеры (Германия — «аллергия» к доносите́льству). Ставка на доверительные отношения и добровольное обращение за помощью.	Общее: Признание решающей роли сообщества (сверстников, родителей) в раннем выявлении угроз. Различия: США — технологически опосредованная анонимность. Европа — личный контакт и доверие без выделенного формального канала.

Условия адаптации зарубежных организационно-управленческих практик в России. Адаптация рассмотренных зарубежных практик к российским условиям требует учёта следующих институциональных факторов. Во-первых, правовые ограничения: действующее законодательство о персональных данных (152-ФЗ) и отсутствие аналога американского FERPA затрудняют обмен информацией между школой, психологическими службами и полицией. Во-вторых, кадровый дефицит: штатные психологи и социальные педагоги в большинстве российских школ перегружены, а обучение методикам поведенческой оценки угроз отсутствует. В-третьих, слабая межведомственная координация: комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки, подразделения по делам несовершеннолетних МВД и управления образованием действуют разрозненно. В-четвёртых, недоверие к анонимным каналам сообщений снижает эффективность системы раннего предупреждения. С учётом этих ограничений наиболее реалистичными элементами для первичной адаптации являются: отказ от профилирования и переход к поведенческой оценке (без копирования всех процедур ВТАМ), создание межведомственных команд, развитие просветительской работы среди учащихся и педагогов, а также пилотное тестирование анонимных чат-ботов с предварительным разъяснением гарантий конфиденциальности.

Заключение. Проведённый сравнительный анализ зарубежного опыта предотвращения скулшутинга позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, становление современных систем предотвращения скулшутинга началось в Соединённых Штатах Америки в начале 2000-х годов и было связано с разработкой национальных методик поведенческой оценки угроз. Впоследствии указанные подходы получили распространение и были адаптированы в европейских странах. Для американской модели характерны выраженная проактивная направленность, широкое применение системы ВТАМ, наличие детально разработанных алгоритмов реагирования и чётких шкал оценки уровня риска [23]. В европейских государствах на первоначальном этапе преобладали более жёсткие и формализованные способы реагирования, однако в дальнейшем произошёл переход к более гибким моделям, основанным на использовании и адаптации американского опыта.

Во-вторых, несмотря на различия в исторических предпосылках, правовой системе и социальном контексте, американская и европейская модели имеют ряд

общих черт. К числу таких общих принципов относятся превентивная направленность деятельности по предотвращению инцидентов, системный характер принимаемых мер, межведомственное взаимодействие, а также использование мультидисциплинарного подхода при оценке угроз.

В-третьих, центральное место во всех рассматриваемых моделях занимает выявление и анализ поведенческих признаков, свидетельствующих о возможной угрозе. Существенным достижением современной практики стал отказ от попыток создать универсальный «портрет» потенциального правонарушителя. Вместо этого применяется дифференцированная система оценки, в рамках которой меры реагирования определяются в зависимости от степени риска и совокупности конкретных обстоятельств.

В-четвёртых, важнейшее значение имеет соблюдение разумного баланса между необходимостью обеспечения безопасности и обязанностью защищать права и законные интересы обучающихся. Современные модели основываются на индивидуальном подходе к каждой ситуации и предполагают обязательный учёт личностных, социальных и иных обстоятельств. Такой подход позволяет избежать чрезмерно репрессивных мер и одновременно обеспечить достаточный уровень защиты.

В-пятых, современные алгоритмы реагирования строятся по принципу постепенной эскалации вмешательства: от профилактических, воспитательных и психологических мер к привлечению правоохранительных органов в случаях, когда существует серьёзная и реальная угроза. В Соединённых Штатах Америки подобные процедуры, как правило, закреплены на нормативном уровне и подробно регламентированы.

В-шестых, дальнейшее развитие систем предотвращения скулшутинга во многом определяется достижениями научных исследований и внедрением современных технологических решений. Это позволяет формировать комплексный механизм предотвращения инцидентов, сочетающий индивидуальную работу с лицами группы риска и реализацию государственной политики в области общественной и образовательной безопасности.

В-седьмых, существенную роль в предотвращении инцидентов скулшутинга играет участие школьного сообщества. В американской модели данная задача решается преимущественно посредством развитой системы анонимных сообщений, включающей специальные горячие линии и цифровые платформы. В европейских странах основной акцент, напротив, делается на формирование атмосферы доверия, развитие личного взаимодействия и укрепление контактов между учащимися, педагогами и иными взрослыми.

Обобщение зарубежного опыта позволяет предложить следующие контуры концептуальной модели предотвращения скулшутинга в России, предусматривающей её реализацию через три взаимодополняющие схемы [2]:

1. Организационная модель структурирует деятельность субъектов управления по двум векторам реагирования на угрозы, объединяя горизонтальные и вертикальные связи четырёх подсистем: профилактики, выявления предупреждающих признаков, оценки угроз и оперативного реагирования, функционирующих на основе стандартизированных протоколов.
2. Модель управления определяет алгоритмы планирования, контроля и принятия решений, координируя взаимодействие субъектов через превентивные и оперативные меры.
3. Структурно-функциональная модель акцентирует процессы сбора данных, оценки угроз и реагирования, обеспечивая на выходе анализ эффективности системы и её последующую оптимизацию.

Библиографический список / References

1. Oksanen A, Kaltiala-Heino R, Holkeri E. [et al] School shooting threats as a national phenomenon: Comparison of police reports and psychiatric reports in Finland. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2015;16(2):145–159. DOI 10.1080/14043858.2015.1101823.
2. Березнев А. В. Организация и управление системой предотвращения инцидентов скулшутинга в России : дис... канд. социол. наук : 5.4.7 / Березнев Алексей Владимирович. Новочеркасск, 2025. 213 с.
Bereznev A. V. Organization and Management of the System for Preventing School Shooting Incidents in Russia. Candidate Degree Thesis. Novocherkassk; 2025. (In Russ.).
3. Карпова А. Ю. Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга: что имеет значение? // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 83–98. DOI 10.19181/nko.2024.30.2.6. EDN AKJJCVC.
Karpova A. Y. A proactive schoolshooting incident prevention system: what matters? *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):83–98. (In Russ.). DOI 10.19181/nko.2024.30.2.6.
4. Maryland's Model Policy for Behavior Threat Assessment (2018) Available at: <https://marylandpublicschools.org/about/Documents/DSFSS/SSSP/2018-19MDModelAssessmentGuidelines.pdf> (accessed: 15.03.2026).
5. Карпова А. Ю., Савельев А. О. Тенденции динамики развития исследований феномена радикализации: наукометрический анализ // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 76–107. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4. EDN CRUYYN.
Karpova A. Y., Savelev A. O. Trends in the dynamics of radicalization phenomenon researches: scientometric analysis. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):76–107. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.4.
6. Beckett L. “No Notoriety”: the campaign to focus on shooting victims, not killers. *The Guardian*. 07.07.2018. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jul/07/no-notoriety-media-focus-victims-shooter> (accessed: 15.03.2026).
7. Seaward A., Marchment Z., Gill P. A Directory of Threat Assessment Models // The National Counterterrorism Innovation, Technology, and Education Center (NCITE). 2024. Available at: <https://digitalcommons.unomaha.edu/ncitereportsresearch/80> (accessed: 15.03.2026).
8. Cornell D, Sheras P. Guidelines for responding to student threats of violence SoprisWest; 2006. ISBN 978-1593185022.
9. School Safety and Crisis. Behavioral Threat Assessment and Management (BTAM): Best Practice Considerations for K-12 Schools. 27.07.2022. Available at: <https://www.superintendents.ms/virtuallibrary/naspthreatassessmentk12schools.pdf> (accessed: 15.03.2026).
10. Brundin J. Students made the highest number of reports in Safe2Tell's history last school year. 12.11.2024. Available at: <https://www.cpr.org/2024/11/12/highest-reports-safe2tell-history-2023-2024-school-year/> (accessed: 15.03.2026).
11. Threat Assessment and Management Teams. Available at: <https://www.schoolsafety.gov/resource/threat-assessment-and-management-teams> (accessed: 15.03.2026).
12. Hofmann D. C. How “Alone” are Lone-Actors? Exploring the Ideological, Signaling, and Support Networks of Lone-Actor Terrorists. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2018;43(7):657–678. DOI 10.1080/1057610X.2018.1493833.
13. Holt T. J., Freilich J. D., Chermak S. M. Examining the Online Expression of Ideology among Far-Right Extremist Forum Users. *Terrorism and Political Violence*. 2022;34(2):364–384. DOI 10.1080/09546553.2019.1701446. EDN WZFZVY.
14. Kostinsky S., Bixler E., Kettl P. Threats of School Violence in Pennsylvania after Media Coverage of the Columbine High School Massacre. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. 2001;155(9):994–1001. DOI 10.1001/archpedi.155.9.994.
15. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Lanham: Rowman & Littlefield; 2015. DOI 10.5771/9781442233577.
16. Langman P. A Bio-Psycho-Social Model of School Shooters // The Journal of Campus Behavioral Intervention. 2017;5:27–34. DOI 10.64247/877691.
17. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*. 2018;62(2):210–228. DOI 10.1177/0002764217739663.
18. Girgis R. R., Hesson H., Brucato G. [et al.] Changes in Rates of Suicide by Mass Shooters, 1980–2019. *Archives of Suicide Research*, 2025;29(1),317–326. DOI 10.1080/13811118.2024.2345166.
19. Lankford A., Silva Ja. R. Similarities between Copycat Mass Shooters and Their Role Models: An Empirical Analysis with Implications for Threat Assessment and Violence Prevention. *Journal of Criminal Justice*. 2024;95:102316. DOI 10.1016/j.jcrimjus.2024.102316. EDN SMVXBM.

20. Malthaner S., Lindekilde L. Analyzing Pathways of Lone-Actor Radicalization: A Relational Approach. In: Stohl M., Burchill R., Englund S. H. (eds) *Constructions of Terrorism: An Interdisciplinary Approach to Research and Policy*. Berkeley: University of California Press; 2017. P. 163–180. DOI [10.1525/9780520967397-014](https://doi.org/10.1525/9780520967397-014).
21. Schuurman B., Lindekilde L., Malthaner S. [et al.] End of the Lone Wolf: The Typology that Should Not Have Been. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2019;42(8):771–778. DOI [10.1080/1057610X.2017.1419554](https://doi.org/10.1080/1057610X.2017.1419554).
22. Katsiyannis A., Whitford D. K., Ennis R. P. Historical examination of United States intentional mass school shootings in the 20th and 21st centuries: Implications for students, schools, and society. *Journal of Child and Family Studies*. 2018;27(8):2562–2573. DOI [10.1007/s10826-018-1096-2](https://doi.org/10.1007/s10826-018-1096-2).
23. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M. [et al.] Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 2015;10(7):e0117259. DOI [10.1371/journal.pone.0117259](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259).

Поступила: 27.04.2026. Доработана: 20.05.2026. Принята: 29.05.2026.

Сведения об авторе:

Березнев Алексей Владимирович, кандидат социологических наук,
заместитель начальника кафедры физической подготовки,
Воронежский институт МВД России. Воронеж, Россия. ber132007@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 690950; ORCID: 0000-0001-9139-5391

A. V. Bereznev¹

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Voronezh, Russia

FOREIGN ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL PRACTICES FOR PREVENTING SCHOOL SHOOTINGS

Abstract. The article is devoted to the analysis and systematization of foreign experience in order to identify organizational and managerial practices for preventing schoolshooting, applicable for adaptation in Russian conditions. The research methodology is based on a comparative analysis of scientific literature, official reports (the FBI, the US Secret Service) and regulatory documents regulating the prevention of armed attacks in educational institutions in the United States and European countries. It has been established that modern prevention systems are based on the rejection of an ineffective “zero tolerance” policy in favor of a proactive model of behavioral threat assessment, the key elements of which are multidisciplinary teams, differentiation of threats by degree of risk, an individual approach and a focus on identifying “information leaks”. The similarities and differences in the implementation of these principles due to cultural and legal peculiarities are revealed. The American model is characterized by greater formalization and a well-developed infrastructure of anonymous messages, while the European one focuses on social support and interdepartmental interaction. It is concluded that the most effective foreign practices, including the rejection of profiling, the development of inter-agency cooperation and the engagement of the school community, can be adapted to create a comprehensive system for preventing schoolshooting in the Russian Federation.

Keywords: schoolshooting, prevention of violence in schools, behavioral threat assessment, foreign experience, school safety, risk management, USA, Europe, organizational and managerial practices

For citation: Bereznev A. V. Foreign organizational and managerial practices for preventing school shootings. *Science. Culture. Society*. 2026;32(2):55–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.4>

Received: 27.04.2026. Corrected: 20.05.2026. Accepted: 29.05.2026.

Author information:

Alexey V. Bereznev, Candidate of Sociology,
Deputy Head of the Department of Physical Training, Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia. Voronezh, Russia. ber132007@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9139-5391